

До конца своих дней буду сторонником безъядерного мира

«Без галстука» №46 с Павлом Палажченко

ОТ РЕДАКЦИИ: Мартовским днем в свой день рождения с нами любезно согласился побеседовать **Павел Русланович Палажченко**, переводчик, руководитель отдела международных связей и контактов с прессой в Горбачев-Фонде, автор книги «Профессия и время (записки переводчика-дипломата)». Павел Русланович принимал участие в переговорах между СССР и США по вопросам безопасности и разоружения, а с 1985 года был переводчиком на советско-американских встречах министров и на высшем уровне. Участник саммитов лидеров СССР и США в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне, Москве, на Мальте, в Хельсинки и вновь в Москве в 1991. Сегодня Павел Русланович рассказал нам о старообрядческой деревне, как из футбола пошёл в переводчики, чем отличается голкипер от переводчика, как отмечали юбилей Михаила Горбачева, что он обычно смотрит на YouTube, как Россия может обеспечить свою безопасность без ядерного оружия, о смирительной рубашке госслужбы и системе «вращающихся дверей» в России.

Корни и родные места

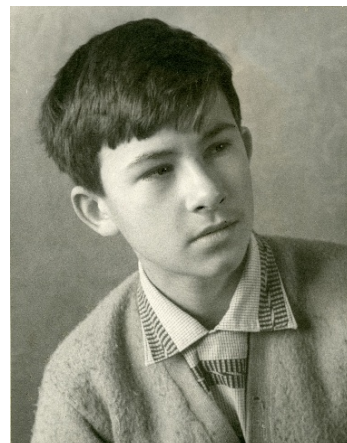
Боровск был одним из центров старообрядчества Средней России, а мой дед по материнской линии, Елисей Ананьевич Воробьев, родился в старообрядческой деревне. Дед был из крестьян Калужской области, потом работал в Москве на мебельной фабрике. Еще до революции воспринял идеи большевиков, воевал во время первой мировой войны, которую у нас в семье всегда называли «империалистической». Участвовал в Гражданской войне, в Великой Отечественной. Дослужился до генерала, был заместителем начальника Военно-Воздушной академии, которая потом стала Академией имени Гагарина. В Боровске я искал корни моего деда, но пока не очень удачно.

Монино – это родные места, поэтому здесь бываю очень часто. Сейчас этот городок очень отличается от того Монино, в котором я вырос. Тогда это был закрытый гарнизон. Сейчас Монино разросся, но многое из того, что было в годы расцвета Военно-Воздушной Академии, когда ее возглавлял маршал С.А. Красовский, к сожалению, сегодня утрачено. Академия перестала существовать. Это большая беда. Мы, монинцы, кому только письма не писали, но теперь этой Академии нет. Остался лишь Музей ВВС. Ему очень не хватает финансирования, многое делают волонтеры и сотрудники Музея. Мы любим его, боремся за то, чтобы его не разгромили.

Вне игры. Всему свое время

В детстве хотел стать футбольным комментатором. Сейчас не беру на себя смелость комментировать футбол, смотрю только отдельные матчи. Уровень игры в мировом футболе меня восхищает, а наш чемпионат чаще удручает, чем

радует. В основном, футбол для меня – это память о детстве. У меня были футбольные календари за все годы, я знал всех игроков. Болел за «Динамо». То же самое и с хоккеем. Вместе с моим одноклассником Володей Красновым, который болел за ЦСКА, мы смотрели хоккей каждый у себя дома и перезванивались. Когда динамовцы забрасывали шайбу в ворота ЦСКА – я ему звонил со словами «ну вот как мы вам дали». А через несколько минут звонил он. Это увлечение было искренним. Но всему свое время.

Были и другие увлечения. Мы с Володей ходили в библиотеку в рабочем городке, за проходной гарнизона. Увлекались историей Древнего Рима, брали книги о героях той эпохи. Потом наши судьбы сложились по-разному. Он стал переводчиком арабского языка, служил в вооруженных силах. Я пошел по своей гражданской линии и не пожалел, что стал переводчиком. Хотя до 12 лет вообще не представлял себе, что буду так увлеченно и самозабвенно заниматься английским языком. Как мама ни пыталась меня привлечь, а делала она это мягко, большого увлечения языком не было. А в 12 лет вдруг что-то проснулось.

На каких-то этапах жизни мне везло. Я это признаю

Я очень неплохо прожил свою жизнь в профессиональном и в личном отношении. Но наш путь, в том числе и профессиональный, всегда немного прерывистый. В детстве, начиная с 10–11 лет я жадно поглощал газеты: «Советский Спорт», «Правду», «Известия». Но когда я поступал в иняз, мне казалось, что я объелся политикой и надо заниматься языками – английским, французским. Было такое отторжение политики и вообще некая беззаботность, когда я не думал о своей карьере, о том, как будет складываться моя жизнь. К поступлению в иняз я готовился не так тщательно, как надо было бы. А когда смотрю на пять лет работы в секретариате ООН, с 1974 по 1979 год, думаю, что нью-йоркский период можно было использовать эффективнее. И не только для профессионального роста. За это я себя в какой-то мере критикую. А вообще у меня все хорошо сложилось, в том числе и потому, что на каких-то этапах жизни мне везло и удача действительно мне улыбалась. Я это признаю. В жизни нельзя совсем без везения.

Как сегодня живет Михаил Горбачев

Мы хорошо отметили 90-летие Михаила Сергеевича Горбачева. К сожалению, в условиях пандемии и в условиях, когда здоровье Михаила Сергеевича его подводит. На юбилей в Горбачев-Фонде собрались настоящие друзья, сказали

теплые слова не только потому, что так принято, но и потому, что понимаем его историческую роль и участвовали в тех событиях. Все мы желаем Михаилу Сергеевичу преодолеть трудности, которые возникли, как он говорит, «по медицинской части». Общались с ним по Zoom, хотя дистанционное общение для него не совсем комфортно. Когда ему исполнилось 80 лет, он сказал: «Я всех вас приглашаю на мое 90-летие». Этой планки он достиг. Началось следующее десятилетие.

Михаил Сергеевич внимательно следит за всем, что происходит в стране и в мире, ориентируется в основном по телевизору и газетам. Ему важно мнение друзей. Со мной советуется, просит рассказать, как я вижу те или иные события. Руслан Гринберг, Дмитрий Муратов, Виктор МIRONENKO, мой коллега Владимир Поляков – это часть того круга, который позволяет ему не отставать от жизни. Время от времени он высказывается в СМИ, где у него есть сложившиеся отношения с корреспондентами из Интерфакса, ТАСС, РИА Новости. Его позиция всегда оптимистичная. Не случайно одна из его книг называется «Остаюсь оптимистом». С другой стороны, это всегда позиция человека опытного. По поводу встречи президентов России и США Михаил Сергеевич сказал, что встреча состоится, потому что она должна состояться. Опыт ему подсказывает, что без личного общения президентов и хорошо подготовленных встреч невозможно найти путь к нормальным отношениям с США.

Общаться по зову сердца

Я не очень люблю отмечать день рождения. На 70-летие уехал с женой в мой любимый город Венецию. Там мы отвлеклись от той обязательной праздничности и встреч, которые обычно сопровождают юбилеи. Считаю, что поступил правильно. Общаться с друзьями и коллегами надо не в связи с формальными датами, а, что называется, по зову сердца.

Немало объехал, но многое и упустил

Последний раз за границей я был в начале 2020 г., после новогодних праздников, в Париже, где встречался по одному проекту с коллегами. Во время пандемии удалось немного поездить у нас, в средней полосе. Несколько поездок с дочерью по Московской области на автомобиле. Стартовали в Монино, где у меня родительский дом. Рядом – в районе Лосино-Петровска и Ногинска – есть несколько интересных озер. Искупались кое-где. Дважды ездил в Боровск, который я очень люблю. Хотелось бы побывать в городах, которые я еще не видел. Немало объехал, но многое и упустил. Например, в Хабаровске, Томске, Смоленске не был никогда. Побывал в 80–90 странах, а если брать русские города, то здесь пробелы серьезные.

Если книга куплена – она не ставится на полку

Два моих главных увлечения юности и детства – это чтение и музыка. Не могу себя охарактеризовать, как Максим Горький, «великим читателем Земли Русской», но у нас в семье всегда была традиция: если книга куплена – она не

ставится на полку, а читается. В книжном шкафу моей мамы очень много книг английской и американской классики, которые издавались в Советском Союзе. Ни одна из этих книг не выглядит как купленная и поставленная на полку. Все прочитано. Я тоже стараюсь читать все то, что покупаю, в том числе и в электронном виде. Во время локдауна перечитал «Жизнь и судьбу» Василия Гроссмана, «Мертвые души» Гоголя.

Второе мое увлечение – это музыка, которой я когда-то занимался. Как и теннисом. Но для того, чтобы успешно заниматься и тем и другим, нужна большая целеустремленность, поэтому я остался в этом деле любителем. У меня есть коллекция виниловых пластинок, компакт-дисков. Хожу на концерты классической музыки. Постоянно на YouTube слушаю классику, джаз. Люблю и поп-музыку, рок времен моей молодости, жизни в Нью-Йорке. Это была вторая половина 1970-х гг. – довольно плодотворное время для американской поп-музыки и R&B.

С кино у меня сложные отношения. Есть фильмы, которые я полюбил в прошлые годы и готов пересматривать не раз. А многие современные фильмы и, в особенности, сериалы, о которых все говорят, – как-то руки не доходят. Такие вещи, как рыбалка, охота, прошли мимо меня. Прогулки по лесу в Москве, где я живу рядом с Битцевским парком, увлечением назвать нельзя. Это просто способ отвлечься, погрузиться в то, что было до нас и будет после нас.

В воротах стоит голкипер, а переводит переводчик

Переводчиков, в какой-то мере, можно сравнить с голкиперами, потому что это большая ответственность. Ее не стоит преувеличивать, но и приуменьшать тоже не стоит. В конечном счете в воротах стоит голкипер, а переводит переводчик. Некоторых коллег, которые имели большие способности и не смогли по-настоящему раскрыться в своей карьере, очень жалко. Если переводчик недостаточно готовится к работе, к переговорам, или позволяет себе расслабиться, то даже у способных людей все может закончиться голом в свои ворота и сломать карьеру. Такие примеры есть.

Все соскучились по непосредственному общению

Весь прошлый год проходил в виртуальной среде. Я большой сторонник использования абсолютно всех платформ, но убежден, что ни цифровая дипломатия, ни «твипломатия», ни экспертное общение в виртуальной среде не заменят личных встреч. Я и как переводчик, и

как эксперт участвую в консультациях по линии Российской Академии Наук и Национальной Академии Наук США. Консультации полезные, но все участники виртуальных встреч на втором треке говорят, что соскучились по непосредственному общению. Ведь конференции экспертов, начиная с Дартмутской конференции, это не только заседания, но и откровенный разговор, в том числе за кружкой пива. Я при таких встречах присутствовал.

В конце 80-х Советский Союз и США готовились к эксперименту по измерению мощности ядерных взрывов для контроля договора между СССР и США об ограничении подземных ядерных испытаний. Американцы посетили наш полигон в Семипалатинске. Мы побывали в Неваде. Разве виртуальная и цифровая дипломатия может это заменить? Возникли те отношения, которые виртуально возникнуть не могут. Надеюсь, что механизм общения будет налажен.

О дистанционном преподавании

Есть сферы преподавания, где личное общение тоже необходимо. Я преподаю синхронный и последовательный перевод, читаю лекции. Zoom и другие платформы расширили возможности и круг людей – и лекторов, и слушателей. Можно сказать, что это произошло по принципу «нет худа без добра». И это очень важно, потому как не все интересные лекторы и ораторы могут, например, взять и приехать в Воронеж. Я

пока могу, сил хватает. Но во время пандемии преподавал из своей квартиры. Много приглашений от университетов, приглашают поделиться переводческим опытом, моими представлениями о теории и преподавании перевода. Так что осваиваю новые технологии в онлайн-формате и делаю это с удовольствием.

Со временем сложится баланс между очными конференциями с реальным синхронным переводом в кабинках и заочным общением с участием переводчиков через Zoom и другие платформы. А я еще как минимум 10 лет рассчитываю быть действующим переводчиком. Будет очень интересно, как на моих глазах и с моим участием будет складываться новый баланс международного общения, конференций и семинаров.

Если бы не пандемия и Facebook...

Мне давно говорили, что помимо книги, которая вышла в 1997 году в США на английском языке, надо написать книгу для русского читателя. Но если бы не пандемия и не Facebook, то, наверное, моя книга «Профессия и время» вообще не получилась бы, либо вышла бы гораздо позже. В какой-то момент я стал довольно активно публиковать в Facebook фрагменты моих воспоминаний о переговорах, о соглашениях, которые мы подписывали с американцами. Многие критикуют Facebook с разных позиций по разным причинам, но для меня он оказался стимулом к работе над «Записками переводчика». Когда я увидел, что очень много людей читает мои заметки, ставят лайки, то подумал, что, наверное, это заслуживает того, чтобы привести все в порядок, оформить и отдать в издательство.

Так что пандемия поспособствовала выходу книги. С апреля по середину июля прошлого года мы все были в очень строгом локдауне. У меня появилось время, которое я потратил на книгу. И еще в это время я очень много читал, пересматривал старые фильмы. Так провёл эти сложные месяцы. А когда локдаун ослабили, тут уже возникла инерция движения: надо было завершать работу над книгой, и в середине августа мне это удалось. Книга вышла, и даже дополнительный тираж потребовался довольно быстро. Меня как автора это очень радует.

Россия может обеспечить свою безопасность без ядерного оружия

Мое поколение до времен Горбачева и Рейгана относилось к идеи безъядерного мира как к мечте или утопии. Некоторые называли мир без ядерного оружия вредной утопией, выдвигая следующие аргументы: Россия не сможет обеспечить свою безопасность, без ядерного оружия нельзя предотвратить войну и т.п. Считаю эти аргументы опасными и даже абсурдными. Я до конца своих дней буду сторонником безъядерного мира.

Уверен, что и Россия, и США могут обеспечить свою безопасность без ядерного оружия. Это мнение сейчас не модно. И у нас возникла целая «проядерная» школа. В своей книге я рассказываю о Поле Нитце, американском дипломате, теоретике ядерного сдерживания, который в конце концов пришел к выводу об отказе от ядерного оружия. В США не так уж мало сторонников этой идеи. Существует немало авторитетных и влиятельных людей, которые участвуют в деятельности инициативы против ядерной угрозы [*Некоммерческая организация Nuclear Threat Initiative – Ред.*]. Конечно, они понимают, что путь будет нелегким. Но не случайно бывший госсекретарь США Джордж Шульц, с которым я много

общался, в том числе после ухода с госслужбы, был инициатором знаменитой статьи в соавторстве с Генри Киссинджером, Сэмом Нанном и Уильямом Перри. Главная мысль ее в том, что нужно идти к отказу от ядерных вооружений, и это не утопия. И уж тем более не вредная утопия. К этому надо прислушаться.

Молодое поколение вполне возможно увидит мир без ядерного оружия. Молодому поколению есть полный смысл бороться за безъядерный мир, потому что, повторюсь, такая страна, как Россия, с ее огромным потенциалом не только может, но и должна обеспечить свою безопасность без убийственных технологий середины прошлого века, которые я отношу к сфере геноцида.

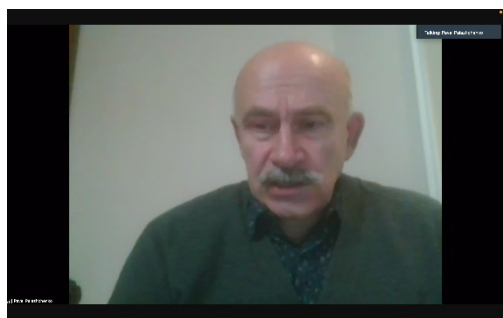
Придет время, когда к принципам нового мышления вернуться

Киссинджер к Рейкьявику отнесся критически, но он признает роль Рейкьявика в начале движения к масштабному сокращению ядерных вооружений. Это очень важно. Без встречи двух людей, которые искренне и целенаправленно стремились избавить мир от ядерного оружия, не начался бы процесс ядерного разоружения. Это масштабный и позитивный процесс.

Геополитический контекст, который Генри Киссинджер очень любит, опасения советско-американского кондоминиума, которые возникли после Рейкьявика – все это во многом преувеличено. А Збигнев Бжезинский на склоне лет выдвинул идею американо-китайского кондоминиума, но сейчас мы видим, что происходит обратное. Вообще от геополитических игр больше вреда, чем пользы. В горбачевское время некоторые серьезные люди говорили о разных треугольниках, выдвигали идею негласного блока СССР-Китай-Индия. Вспоминаю, как скептически к этой идее отнеслись А.С. Черняев, Э.А. Шеварнадзе. Такие вещи уводят от главной идеи «нового мышления»: безопасность нельзя обеспечивать за счет других, она может быть только общей и совместной. Учет интересов друг друга должен относиться ко всем главным игрокам мировой политики. Может быть не скоро, но обязательно придет время, когда к принципам нового мышления вернуться.

Взаимодействие с ПИР-Центром было полезно для обеих сторон

Хотя по работе в МИДе с Роландом Михайлович Тимербаевым я сталкивался редко, мы всегда друг другу очень симпатизировали. Я его хорошо помню. В 90-е годы он меня начал иногда приглашать для участия в экспертных обсуждениях, в том числе и в качестве переводчика. Тогда я возобновил знакомство с ним. Тогда же я познакомился с Владимиром Орловым, потом с другими людьми, которые работали или до сих

пор работают в ПИР-Центре. С Альбертом Зульхарнеевым, Андреем Баклицким. С Владимиром Орловым мы совместно участвовали в конференции в Рейкьявике 2016 г., посвященной 30-летию встречи в Рейкьявике. Мы не только выступали, но и очень интересно общались. И я надеюсь, что мое взаимодействие с ПИР-Центром и людьми из ПИРа полезно, что называется, для обеих сторон. Очень оценил экспертный уровень обсуждений и разговоров, которые у меня были в связи с конференциями. Сейчас ПИР-центр выдвинулся на одну из первых позиций как центр экспертной работы. Я этому очень рад.

Смирительная рубашка госслужбы и вращающиеся двери

Система «вращающихся дверей» в России, я думаю, перспективна, но сейчас этого у нас маловато. Очень переживаю за многих своих друзей, послов в отставке, которые не всегда находят свое место в сфере формирования и обсуждения внешней политики. Это даже важнее, чем «вращающиеся двери». Должна быть своего рода экологическая система взаимодействия, как сейчас модно говорить.

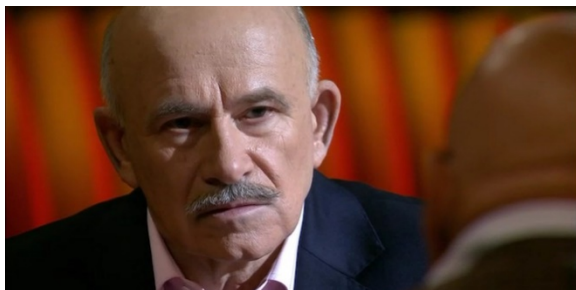

Очень обидно, что у нас нет такого механизма, который поставил бы опыт этих людей на службу выработки внешнеполитических решений. Мы только в начале этого пути.

Чрезвычайно важно, чтобы серьезная экспертиза была не только в МИДе. Эксперты должны подпитываться информацией. Те люди в МИДе, которые в мои годы работали в сфере сокращения и ограничения вооружений, были выдающимися специалистами. Очень хорошо помню мое общение с Ю.А. Квицинским, В.П. Карповым, с членами делегаций, военными. В управлении США и Канады В.В. Шустов очень многое сделал для создания системы взаимодействия между дипломатами, военными и негосударственными структурами.

Что касается «вращающихся дверей», то это специфика США и их особый опыт, связанный с ротацией власти. Я большой сторонник ротации власти. Сейчас все идет в другом направлении, но ротация власти будет и у нас. Вот тогда можно будет говорить о вращающихся дверях. Рамки госслужбы я не назову смирительной рубашкой, но все-таки это жесткие рамки. Жизнь вне рамок госслужбы время от времени нужна даже тем, кто связал свою судьбу с государством и дипломатией.

О политических исследованиях

Экспертом в сфере политических исследований я себя не считаю, хотя определенный экспертный уровень у меня есть. Он накопился за те годы, когда я занимался этим профессионально и повседневно, и потом я старался быть в курсе. В рамках Горбачев-Фонда периодически устно и письменно

излагаю свои мысли и соображения, участвую в подготовке докладов. Кроме того, довольно откровенно в письменном виде излагаю свои соображения М.С. Горбачеву. У меня были свои соображения по ДРСМД, которые я высказывал тогда, когда договор еще можно было спасти. В частном порядке обсуждаю это с коллегами и старшими товарищами, которые у меня есть, несмотря на мой возраст, тоже уже «старший»: с Алексеем Александровичем Обуховым, Виталием Семеновичем Гусенковым, генералом Владимиром Зиновьевичем Дворкиным. Суть моих идей о РСМД состоит в том, что некоторые подходы и принципы Договора, который послужил нашей безопасности и ушел в историю, должны быть учтены и использованы в будущих договоренностях. Но такие договоренности, скорее всего, будут не в договорной форме.

Скамейка фильмов о переводчиках очень короткая

Фильмов о переводчиках очень мало. Скамейка очень короткая. Переводчик – это не та тема, которую легко раскрыть в кино. Легче это сделать в книге. Отношения в переводческой среде, как правило, хорошие, доброжелательные, что необычно для многих профессиональных сообществ. Ведь мы все прекрасно знаем, что к любому из нас можно предъявить претензии, идеально никто не работает, поэтому в переводческой среде не принято говорить, что кто-то «не тянет». Сказывается и то, что переводческая профессия довольно однородна: всем нам платят по рыночным ценам независимо от стажа и «статуса», а на Западе – в соответствии с договоренностями между международными организациями и АПС – «Международной ассоциацией переводчиков конференций». Поэтому каких-то чисто человеческих сложностей, которые можно было отобразить в кино, в переводческой среде нет. Мы погружены в контент, главное – это содержание. Делимся опытом, переводческими находками. Все остальное – второстепенно.

Если говорить о судьбе отдельного переводчика, допустим о моей, то, наверное, можно сделать фильм, где переводчик был бы персонажем второго плана, но все-таки не главным героем. Мне предлагали поработать над сценарием фильмов, но это не показалось мне перспективным. Хотя вполне возможно, что я ошибаюсь. Я своей профессии очень благодарен, потому что она мне позволила общаться с самыми разными людьми, от рядовых граждан до выдающихся ученых, врачей,

музыкантов, политиков, дипломатов. Мало какая профессия дает такие возможности.

А если говорить о фильмах, где переводчик главный герой... Конечно, мне нравится «Осенний марафон» Георгия Данелии. Я его смотрел несколько раз, и тогда, когда он только вышел, и потом. Но он мне понравился больше, как «человеческая» комедия, чем как фильм о переводчике. Там есть и действительно смешные, и немного глупые вещи. Например, даже самый плохой переводчик никогда не напишет «коза кричала нечеловеческим голосом». Мне кажется, такое вообще никакой человек не напишет. Честно говоря, не самая удачная шутка, не самый удачный поворот. По духу фильм не очень советский, но я считаю этот фильм свидетельством тех лет, того, как жилось советскому интеллигенту в те годы, как он зарабатывал и строил свою личную жизнь. В этом отношении фильм выдающийся.

Верьте в то, что будете востребованы

Главное в любой работе – это мотивация к постоянному совершенствованию в избранном тобой деле и на избранном тобой профессиональном пути. Тем, кто сейчас в начале пути, хочу дать такой совет: верьте в то, что вы будете востребованы. У международных бывают разочарования, когда находишься на нижней ступеньке в мидовской иерархии, пишешь диссертацию, занимаешься исследованиями и думаешь: кому это нужно? Это и потом бывает. Такие настроения надо преодолевать. Если не веришь в свою нынешнюю или будущую востребованность, то надо искать другую работу, где это, само собой разумеется. А если идти по пути дипломата, исследователя международных отношений, эксперта – надо обязательно верить в то, что ты делаешь нужное дело. Верить, что если не сейчас, то со временем это понадобится, это будет востребовано.

Интервью: Максим Лац
Редактура: Никита Дегтярев, Егор Чобанян